Секция «История социально-политических учений России»

Полемика о. Иоанна Кронштадтского с Л.Н. Толстым

Научный руководитель – Ермашов Дмитрий Васильевич

Бобылев Илья Владимирович
Аспирант
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет политологии, Кафедра истории социально-политических учений, Москва, Россия
E-mail: mail.rubin@mail.ru

В общественном сознании, а также в научном сообществе существует миф по поводу того, что великого русского писателя Л.Н. Толстого отлучили от церкви и придали анафеме. Данный стереотип не соответствует действительности. Церковь являясь институтом государства, как охранитель православных догм и традиций проводила превентивный удар, который имел эффект дискредитации фигуры графа Л.Н. Толстого. Она как один из главных акторов общественных отношений сформулировала свою позицию по вопросу нового «толстовского» видения христианского учения. Необходимо понимать, что писатель своими идеями порождал нравственные коллизии в умах простых людей. Толстовское учение вело к расколу общества Российской империи, а священнослужители отстаивали свою монополию на манипулирование народом. Из определения Священного Синода следует, что писателя не отлучали от православной веры, от церкви, совет по религиозным вопросам указал на факт «отпадения своего заблудшего сына» от христианства. Церковные служители с помощью инсинуаций подорвали авторитет Толстого. Это был ответ на нападки великого писателя на священные и незыблемые основы веры. Церковь, имея свое влияние на общественность, с помощью своего огромного авторитета, попыталась оградить общество от «лжеучения» Л.Н. Толстого. По мнению исследователя Б.В. Басинского, автора книги «Святой против Льва. Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой: история одной вражды», великий писатель хотел пострадать за свои идеи, он желал этого и когда узнал, что не была провозглашена анафема в его адрес, был весьма огорчен и не доволен этим[1].

Л.Н. Толстой в разговоре с К.Н. Леонтьевым просил: «Напишите, ради Бога, чтоб меня сослали. Это моя мечта»[2] . С писателем не могли открыто бороться: наказывать, отлучать от церкви, ссылать, а латентно ниспровергнуть его теорию о христианстве оказалось возможным, тем более Толстой, сам подтверждал обвинения со стороны церкви в своем ответе на определение святейшего синода: «То, что я отрекся от Церкви, называющей себя Православной, это совершенно справедливо... Учение Церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же — собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающего совершенно весь смысл христианского учения... То, что я отвергаю непонятную Троицу и басню о падении первого человека, историю о Боге, родившемся от Девы, искупляющем род человеческий, то это совершенно справедливо...»[3] .

Церковь как союзник государственной власти защищала свои права на государственную идеологию в виде православной веры и не могла допустить альтернативного вектора в мировоззрении общества. О. Иоанн Кронштадтский являлся заступником церковной идеологии неосознанно, в его миропонимании люди представлялись слабыми и «нищие духом» существа, которые без поддержки православия и церкви погибнут из-за своего скудного представления о природе вещей этого мира и о боге. Всероссийский пастырь совместно с церковью начинают проводить политику, выраженную в противостоянии идеям Толстого. Писатель оказался жертвой своего учения. А о. Иоанн не мог остаться в стороне и не дискредитировать оппонентов религии. Высказывания писателя подрывали все основные принципы веры, фундамент, на котором держалось мироустройство большинства людей,

составляющих народ Российской империи. Л.Н. Толстой для простого российского общества конца XIX — начала XX вв., являлся феноменом непонимания, его идеи только вводили в интеллектуальный хаос простонародье, разобщали и вели к разрушению нравственности. Народ не был еще готов к осмыслению основных принципов учения Толстого. В 1861 г. только отменили крепостное право, а через 20 лет уже провозглашают, что православная церковь - это изжившая себя и порочащая христианство, ветвь абсурда. О. Иоанн Кронштадтский понимал опасность таких рассуждений и старался защитить церковь, веру и народ от всеобщего когнитивного диссонанса. Православная христианская вера являлась основой государственного строя, и если бы народ усомнился в правильности православия как непоколебимой истины, то российской государственности угрожала бы катастрофа и погибель. Народ, не подверженный влиянию православных догм, мог свершить революцию и передел собственности, что и произошло в 1917 гг. Церковь одобряла и поддерживала самодержавие, она являлась посредником между царем и богом в головах людей. И общество доверяло церковным людям и императору как посланникам бога на земле. А Л.Н. Толстой своими идеями попытался разрушить до основания эти мифы, уничтожить данные стереотипы и перепрограммировать общество на рациональные принципы.

Иоанн Кронштадтский констатирует, что «несчастный Толстой: он едва не погибал в усилиях сделаться богоотступником и все-таки достиг погибели своей, сделавшись окончательно вероотступником... Толстой подчиняет бесконечный разум Божий своему слепому и гордому уму... Толстой точно вбил себе клин в голову - гордое неверие и оттого впал в совершенную бессмыслицу относительно веры и действительного жизнепонимания, извратив совершенно разум и его миросозерцание, и всю жизнь поставил вверх дном...»[4]

По мнению Иоанна Кронштадтского сочинение Толстого «Обращение к духовенству» пропитано низменной ложью и что у его автора было целью всех развратить и отвести всех от веры в бога и в церковь. Иоанн Кронштадтский проповедует, что Иисус призывает: «Покайтеся, приближи бо се царство небесное», а по мнению пастыря Л.Н. Толстой занимает позицию сверхчеловека и гордеца: «а Толстой говорит: «Не кайтесь, покаяние есть малодушие, нелепость, мы без покаяния, без Христа, своим разумом достигнем совершенства, да и достигли»: «Посмотрите на прогресс человеческого разума, человеческих познаний...»[5]

О. Иоанн Кронштадтский остро ощущал опасность атеистического мировоззрения, которое становилось популярным среди буржуазной интеллигенции. Священный пастырь проводит параллель между представителем высшей ипостаси (Христом) с писателем в своих последних прижизненных дневниковых записях: «Сын Божий пришел на землю для того, чтобы Своим учением, чудесами, примером, страданиями и смертью восстановить и спасти род человеческий, просветить, очистить, обновить, украсить всякою добродетелью и соединить его с собою навеки. А Лев Толстой с подобными ему писателями, появились и живут на земле для того, чтобы омрачить, растлить своим безбожием, безверием и анархией несметное множество людей, следующих за ними, читающих их богохульные сочинения...»[6] . Иоанн Кронштадтский призывает всех людей если они хотят «иметь истинное видение, истинную мудрость и жизнь», то им необходимо отложить их гордость, самомнение, смириться искренне, перестать «пить мертвую воду романов» и обратить свое внимание к церкви, которую «попирает ногами» Лев Толстой, к апостолам и евангелистам, и к вселенским учителям. В противном случае люди останутся навсегда «учеными слепцами, не знающими истинного пути...»[7] . Священник обличает высшее образованное общество в том, что оно пренебрегло истиной верой, вознося земную жизнь, предпочитая Льва Толстого - богу: «Вы, интеллигенты, оставили небесную мудрость и ухватились за земную суету, ложь, мираж, мглу, непроглядную: и будете наказаны собственным безуми-

ем, своими страстями. Вы пренебрегли живою водою, светом животворным, солью земли и истяжаетесь в истлении своем вечном, не увидите во веки света Божия, но пребудете во тьме. Вы предпочли Христу - Льва Толстого. . . »[8] .

Л.Н. Толстой являлся создателем непротивленческого анархизма, его главное художественное произведение на данную тематику «В чем моя вера» было написано в 1884 г. в котором писатель пришел к выводу, что Евангелие нужно исполнять буквально без какого-либо переносного контекста. Толстой создал концепцию, посредством которой заключил, что нагорная проповедь, описанная в Евангелие от Матфея, представляет не только этический императив, но и социальный план переустройства общества. Христос открыл человечеству закон всеобщего благоденствия и если бы, люди следовали беспрекословному исполнению фундаментальной заповеди христианства - «непротився злу», то во всем мире прекратилось бы насилие среди народов и наступила бы социальная гармония. Основная политическая идея Л.Н. Толстого состоит в том, что Нагорная проповедь является не нравственным и религиозным произведением, а скорее социально-политическим трактатом, в котором изложены мысли по построению истинного мироздания . Иоанн Кронштадтский понимал и чувствовал опасность анархистских воззваний Толстого, способных перевернуть ментальное сознанию людей, а результатом такого переворота будет разобщенность общегосударственных морально-этических принципов, что впоследствии приводит к исчезновению госу-дарства как ячейки общества.

Л.Н. Толстой предложил всему образованному российскому обществу набор отличительных религиозно-духовных идей от исторического христианства. Религиозно-философские идее писатели потрясли современников своим моральным пафосом[9] . В.В. Розанов ставит в упрек великому писателю его желание преподнести свои воззрения насчет религии на вершину олимпа, однако сам исповедует двойственность по поводу церковно-религиозных вопросов: «Л.Н. Толстой не удовлетворившись «простой и светлой» любовью России, наградой за «Войну и мир», захотел большего: стать Буддой и Шопенгауэром - и захлебнулся в этом желании» [10].

[1] Басинский. П.А. Святой против Льва: Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой: история одной вражды. М.: АСТ, 2013. С. 223-224

[2] Басинский. П.А. Святой против Льва: Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой: история одной вражды. М.: АСТ, 2013. С.199.

[3] Басинский. П.А. Святой против Льва: Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой: история од-ной вражды. М.: АСТ, 2013. С. 225-229.

[4] Басинский. П.А. Святой против Льва: Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой: история одной вражды. М.: АСТ, 2013. С. 242-247.

[5] Басинский. П.А. Святой против Льва: Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой: история одной вражды. М.: АСТ, 2013. С. 242-247.

[6] Св. Иоанн Кронштадтский. Дневник. Последние записи. Талан. Москва. 1997. С. 39.

[7] Св. Иоанн Кронштадтский. Дневник. Последние записи. Талан. Москва. 1997. С. 58.

[8] Св. Иоанн Кронштадтский. Дневник. Последние записи. Талан. Москва. 1997. С.61.

[9] Зеньковский В. прот. История русской философии. Т. 1, Ч. 2. Л. 1991. С. 201

[10] Ореханов. Ю.Л. Историко-культурный контекст дихотомии. Русская Православная цер-ковь - Л.Н. Толстой. Дисс. . . . кандидата исторических наук: 24.00.01.М., 2012.

Источники и литература

1) Басинский. П.А. Святой против Льва: Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой: история одной вражды. М.: АСТ, 2013.
2) Ермашов Д.В. Федор Михайлович Достоевский // SCHOLA–2000. М., 2000.
3) Зеньковский В. прот. История русской философии. Т. 1, Ч. 2. Л. 1991
4) Иоанн Кронштадтский, прав. Христианская философия: Избранные работы. — М.: Эксмо; СПб., 2004..
5) Ореханов. Ю.Л. Историко-культурный контекст дихотомии. Русская Православная цер-ковь – Л.Н. Толстой. Дисс. . . . кандидата исторических наук: 24.00.01.М., 2012.
6) Перевезенцев С.В. Истоки русской души: Обретение веры. X–XVII вв. — М., 2015.
7) Перевезенцев С.В. Родство по истории: Статьи. Очерки. Беседы. — М., 2015.
8) Перевезенцев С.В. Русский выбор: Очерки национального самосознания. Русскій міръ (Серия «Pro Patria. Историко-политологические исследования»). М., 2007.
9) Русская социально-политическая мысль X — начала XX века: Антология. В 5 т. / Под общ. ред. Е.Н. Мощелкова. Том I-II. Политическая мысль X-начала XIX вв./ Ред.-сост. тома О.Ю.Бойцова, Д.В. Ермашов, С.В. Перевезенцев. Социально-политическая МЫСЛЬ. М.: – 2006.
10) Русская социально-политическая мысль. 1850 – 1860 –е годы: Хрестоматия / Сост.: И.Ю. Демин, А.А. Ширинянц; подг, текстов: А.В. Мырикова, А.М. Репьева; под ред. А.А. Ширинянца. – М.: Издательство Московского университета, 2012.
11) Св. Иоанн Кронштадтский. Дневник. Последние записи. Талан. Москва. 1997.
12) Ширинянц А.А. О специфике истории социально-политической мысли России // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления / отв. ред. В. В. Шелохаев. — М., 2011. — С. 536–546.